

Чуркина Наталия Анатольевна

ОРГАНИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ МЕНТАЛЬНОСТИ

В современной науке отсутствует единый подход к характеристике структуры ментальности. Более того, существует точка зрения о невозможности адекватного решения данной проблемы в связи с "непроявленностью" феномена ментальности. Анализируя взгляды российских и зарубежных исследователей, автор стремится обозначить свое видение особенностей элементов ментальных структур, как относящихся к сфере коллективного бессознательного, так и осознаваемых и рациональных.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 1. С. 199-201. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hists@gramota.net

CIRCASSIAN ORGANIZATIONS IN ISTANBUL DURING "THE TRUCE PERIOD" IN 1918-1922

Chochiev Georgii Vital'evich, Ph. D. in History

*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania
georg-choch@yandex.ru*

The article deals with the activity of the organizations that were created by the representatives of the North Caucasian diaspora in Istanbul occupied by the Entente troops during the "truce period" in 1918-1922. On the basis of the analysis of the policy documents of the societies the characteristic of their views and objectives that reflected the evolution of Circassian ethno-national movement in the country at the stated stage is given. The reasons, which led to the gradual decay of the Circassian elite's activity at the beginning of the 1920s, are identified.

Key words and phrases: Istanbul; period of truce; the Circassians; diaspora; public organizations; ethno-national movement; enlightenment; the Entente; Kemalists.

УДК 304.5

Философские науки

В современной науке отсутствует единый подход к характеристике структуры ментальности. Более того, существует точка зрения о невозможности адекватного решения данной проблемы в связи с «непроявленностью» феномена ментальности. Анализируя взгляды российских и зарубежных исследователей, автор стремится обозначить свое видение особенностей элементов ментальных структур, как относящихся к сфере коллективного бессознательного, так и осознаваемых и рациональных.

Ключевые слова и фразы: ментальность; архетип; стереотип; табу; символ; коллективное бессознательное; аполлоническое; дионисийское.

Чуркина Наталия Анатольевна, к. филос. н., доцент

*Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет
NB1468@ngs.ru*

ОРГАНИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ МЕНТАЛЬНОСТИ

Об актуальности понятия «ментальность» в современной науке говорят многие ученые. Так, по словам Л. В. Санжеевой изучение ментальных структур дает возможность «исследовать и познать особенности и ценности социокультурного наследия и современных трансформаций человека и общества» [6, с. 185]. Глобализационные процессы в мире также актуализируют проблему феномена ментальности, так как ментальные структуры выражают специфику той или иной культуры, выступают как детерминирующий фактор мышления представителей той или иной общности и обуславливают межкультурную коммуникацию.

Необходимым аспектом анализа сущности феномена ментальности является характеристика ее структуры. Для того чтобы определить структуру чего-либо, прежде всего, необходимо выявить те элементы, из которых состоит изучаемый объект, после чего необходимо обозначить взаимосвязи его составных частей.

Сложность решения этой проблемы заключается в том, что в современной науке не существует однозначных представлений относительно структурных элементов ментальности. При этом в научной литературе можно обнаружить достаточно радикальную точку зрения, согласно которой, решение проблемы выявления структурных элементов ментальности следует отложить на неопределенный срок. По мнению ряда исследователей, ментальность является крайне сложным явлением, а в качестве ее системообразующего признака «с равным успехом могут выступать и социальные стереотипы, и ценностные ориентации, и архетипы коллективного бессознательного, и система представлений о мире, и способы мышления, и эмоционально-оценочные особенности переживаний текущих событий» [4, с. 35]. Кроме того, некоторые исследователи убеждены, что определить структуру менталитета как «нечто законченное целое, означало бы ограничить его». В итоге, делается вывод о «принципиальной невозможности четкого ограничения контуров менталитета, как структурной целостности» [1, с. 168].

Тем не менее, в современной науке представлены различные точки зрения об элементах структуры ментальности, в качестве которых называются стереотипы, установки, представления, ценности и др. Представляется, для того чтобы преодолеть подобную эклектичность, необходимо представить ментальность в качестве некой модели – теоретической конструкции, в которой воплощена информация о наиболее существенных характеристиках изучаемого объекта.

Моделирование структуры ментальности необходимо осуществлять исходя из особенностей человеческого мышления, важнейшей из которых выступает такая характеристика как степень рефлексии.

Начиная с представителей Школы «Анналов», утвердилась точка зрения о нерелексируемости ментальности. Например, Ж. Дюби определял ментальность как «совокупность полубессознательных проявлений» [2, с. 53]. Ф. Арьес характеризовал ментальность как культурный субстрат, «который в определенный момент оказывается общим для социума в целом и который не осознается, либо плохо осознается современниками, либо представляет для них нечто само собой разумеющееся (моральный и поведенческий код, расхожие идеи, конформизм, запреты и т.д.)» [3, с. 29].

Неосознанность ментальности вытекает из ее принадлежности к сфере коллективного бессознательного, в рамках которой индивидуальность человека теряет свою значимость, но при этом его разум выходит на уровень общечеловеческого разума, «в котором, – по словам К. Юнга, – мы все одни и те же» [8, с. 35]. Исходя из этого, можно говорить о ментальном универсализме, на основе которого происходит духовная интеграция индивидов, как в синхронном, так и в диахронном темпоральном плане.

Всеобщность, универсальность и неосознанность ментальности обусловлена ее особыми структурными элементами, которые составляют сферу коллективного бессознательного – «естественными», по выражению Юнга, символами – архетипами.

Архетипы коллективного бессознательного представляют собой латентные праформы сознания человека, соотносимые с инстинктивными основаниями дочеловеческих предков. Архетип представляет собой смыслододержащую схему, позволяющую интерпретировать окружающую действительность на основании духовного опыта предшествующих поколений, аккумулированного на протяжении длительного времени.

В основе анализа архетипических структур лежат представления об априорных формах человеческого сознания. Платон одним из первых сформулировал представления о врожденных идеях в своем учении о припоминании. В. Парето, П. Бурдьё и другие исследователи априорных структур человеческого сознания подчеркивали автоматический, внерациональный характер их природы.

Можно предположить, что бессознательные структуры человеческой психики, формирующие ментальность, зародились у истоков возникновения человеческого сознания и способствовали адаптации и выживанию человека как вида. Подобные протономические ментальные элементы усваивались посредством табу и жестко регулировали поведение членов первобытного коллектива во многом на интуитивном уровне, что было вызвано недостаточной развитостью речевого аппарата человека.

Табу не являлись моральными ценностями в полном смысле слова: по-видимому, табу вырастают из определенных ограничений, существующих уже у высших животных в качестве прединформационно значимых моделей. По мнению Х. Ферштмана, У. Гнизи и М. Хоффмана, табу отличаются от социальных норм тем, что в них зафиксированы «немыслимые», выходящие за ментальные границы, действия. Таким образом, для члена группы было невозможно даже помыслить о нарушении табу, так как подобные проступки подрывали самооценку и разрушали социальную идентичность индивидов, как моральных существ [9]. Столь жесткие ограничения помогали упорядочить и сплотить сообщество особей, прежде отличавшихся разрозненным поведением на ментальном уровне.

В архетипах отражались пространственные характеристики локализации человека и особенности его социального окружения. Человек чувствовал свою связь с местом своего существования, с людьми, окружающими его. Постепенно эти интуитивные образы наполнялись конкретным содержанием и начинали формироваться осознаваемые смыслы, позволяющие выстраивать стройную картину мира.

С развитием осознаваемых ментальных форм сила влияния коллективного бессознательного на человека не ослабевала. Человек продолжал испытывать воздействие архетипических основ. Подобное воздействие нельзя рассматривать в качестве примитивизации человека, некоего нисхождения к природным началам. Наоборот, действие протономических основ делало процесс формирования человеческой культуры более разнообразным, позволяло людям, ориентироваться на некие глубинные традиционные образцы, что облегчало понимание и коммуникацию в общности.

Темпоральная изменчивость ментальности свидетельствует о том, что структура этого феномена не ограничивается неизменными и неосознаваемыми символами – архетипами, но включает в себя и релексируемые элементы, возникающие и изменяющиеся под влиянием определенной социокультурной ситуации. Это подчеркивается многими исследователями, в частности, Ф. Броделем, Ж. Дюби, которые говорят о существовании разных типов ментальных структур, как практически неизменных, так и изменяющихся под воздействием какого-то события [3].

Эти последние представляют собой образы, в которых запечатлена идея, особо значимая для определенной человеческой общности. Такие образы воплощены в символической форме, они детерминируют понимание человеком окружающего мира и самого себя, помогают адаптироваться к природным и социальным сферам.

Символ выступает как гносеологический, то есть позволяющий познавать окружающий мир и самого человека, феномен. Однако прежде чем человек начнет создавать мир символической действительности, он должен быть сам сформирован с помощью мира символических форм.

Ментальность включает осознаваемые символы, возникающие в ходе инновационного духовного процесса под влиянием социальных и культурных факторов. При этом вновь создаваемые или заимствованные из других культур духовные элементы проходят проверку в рамках ментального контекста и только после этого встраиваются в уже существующие ментальные структуры. Так формируется достаточно строгая матрица, определяющая область возможного для представителей той или иной общности – этноса, социального слоя и пр.

Таким образом, элементами ментальности можно считать на уровне бессознательных структур – архетипы коллективного бессознательного, а на уровне сознательном – социокультурные символы, которые детерминируют ситуацию выбора человеком определенных ценностей, норм, установок и формируют на их основе социально и культурно значимые образцы поведения.

Следующей характеристикой мышления человека, которую необходимо учитывать при моделировании структуры ментальности, является соотношение рационального и чувственного в сознании человека.

Один из исследователей рационального и чувственного начал – Ф. Ницше, связывал эти антиномии с двумя категориями культуры – аполлонической и дионисийской.

Аполлоническое начало – разумное, а значит оптимальное, целесообразное и упорядоченное, находит свое воплощение в Логосе, как рациональном принципе, управляющем миром. При актуализации дионисийского типа культуры, влияние которого на человека Ницше сравнивает с алкогольным или наркотическим опьянением, «субъективное исчезает до полного самозабвения» [5]. Однако именно при обращении к дионисийскому началу человек ощущает действие архетипических оснований, которые присутствуют в структуре ментальности и стремятся «достучаться» до сознания цивилизованного человека. Можно предположить, что именно архетипические основания ментальности делают сознание человека и его культуру более чувственно глубокими и разнообразными, то есть подлинно человеческими.

Опасность «логизирования мира», «господства разумности», «практического и теоретического утилитаризма», «макдональдизации» подчеркивали многие исследователи (О. Шпенглер, Э. Фромм, Дж. Ритцер и др.), которые говорили об опасности крайней рационализации, которая порождает кризисное состояние западного сознания. А Ницше утверждал, что такое состояние сознания свидетельствует о слабости и распаде культуры, является «симптомом никнувшей силы, приближающейся старости, физиологического утомления» [Там же].

В ментальности гармонично уравновешены чувственные элементы, во многом отражающие специфику человека, как эмоционального существа, и рационально-ценностные, обеспечивающие логичность и целесообразность человеческого сознания.

Согласованность этих оснований является гарантией того, что человек, с одной стороны, не вырождается в биологическую особь, стремящуюся исключительно к выживанию, даже за счет отказа от своих ценностных черт, а с другой, не превратиться в предельно целесообразное существо, игнорирующее свою эмотивную сущность. И в том, и в другом случае, – это будет уже не человек.

Таким образом, ментальность включает, с одной стороны, глубинные, древние слои общественного сознания, которые обуславливают поведение людей, а с другой стороны, содержит элементы, порожденные культурой и общественными структурами.

Такая совокупность элементов ментальной системы обуславливает «многоцветие» духовной сферы человеческого общества и позволяет индивиду адаптироваться в изменяющихся социокультурных условиях, сохраняя приверженность духовным началам.

Список литературы

1. **Васильева К. К.** Менталитет: онто-этнологическое измерение: на примере бурятского этноса. М.: Рус. мир, 2002. 199 с.
2. **Дюби Ж.** Развитие исторических исследований во Франции // Одиссей. М.: Наука, 1991. С. 49-60.
3. **История ментальностей, историческая антропология:** зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Ин-т всеобщ. истории; Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. 254 с.
4. **Мельникова М. И.** Крестьянская ментальность как архетип русской души. Ставрополь: Ставроп. правда, 2006. 263 с.
5. **Ницше Ф.** Рождение трагедии, или Эллинизм и пессимизм [Электронный ресурс] // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. URL: http://knigolub.ru/russian_classic/nitsche_f/rojdenie_tragedii_ili_ellinstvo_i_pessimizm.10547/ (дата обращения: 26.01.2016).
6. **Санжеева Л. В.** Менталитет как конструкция модели мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11). Ч. 1. С. 185-188.
7. **Фрейд З.** Тотем и табу // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 1. С. 193-350.
8. **Юнг К. Г.** Аналитическая психология / пер. и ред. В. В. Зеленского. СПб.: Кентавр, 1994. 136 с.
9. **Fershtman C., Gneezy U., Hoffman M.** Taboos and Identity: Considering the Unthinkable [Электронный ресурс]. URL: <http://rady.ucsd.edu/faculty/directory/gneezy/pub/docs/taboo.pdf> (дата обращения: 26.01.2016).

MENTALITY STRUCTURE ORGANIZATION

Churkina Nataliya Anatol'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering
NB1468@ngs.ru

In modern science there is no common approach to the characterization of the structure of mentality. Moreover, there is a point of view about the impossibility of the appropriate solution of this problem owing to the “non-manifestation” of the mentality phenomenon. Analyzing the opinions of Russian and foreign researchers the author strives for denoting her own view on the peculiarities of the elements of mental structures both relating to the sphere of the collective unconscious and conscious and rational structures.

Key words and phrases: mentality; archetype; stereotype; taboo; symbol; the collective unconscious; Apollonian; Dionysian.